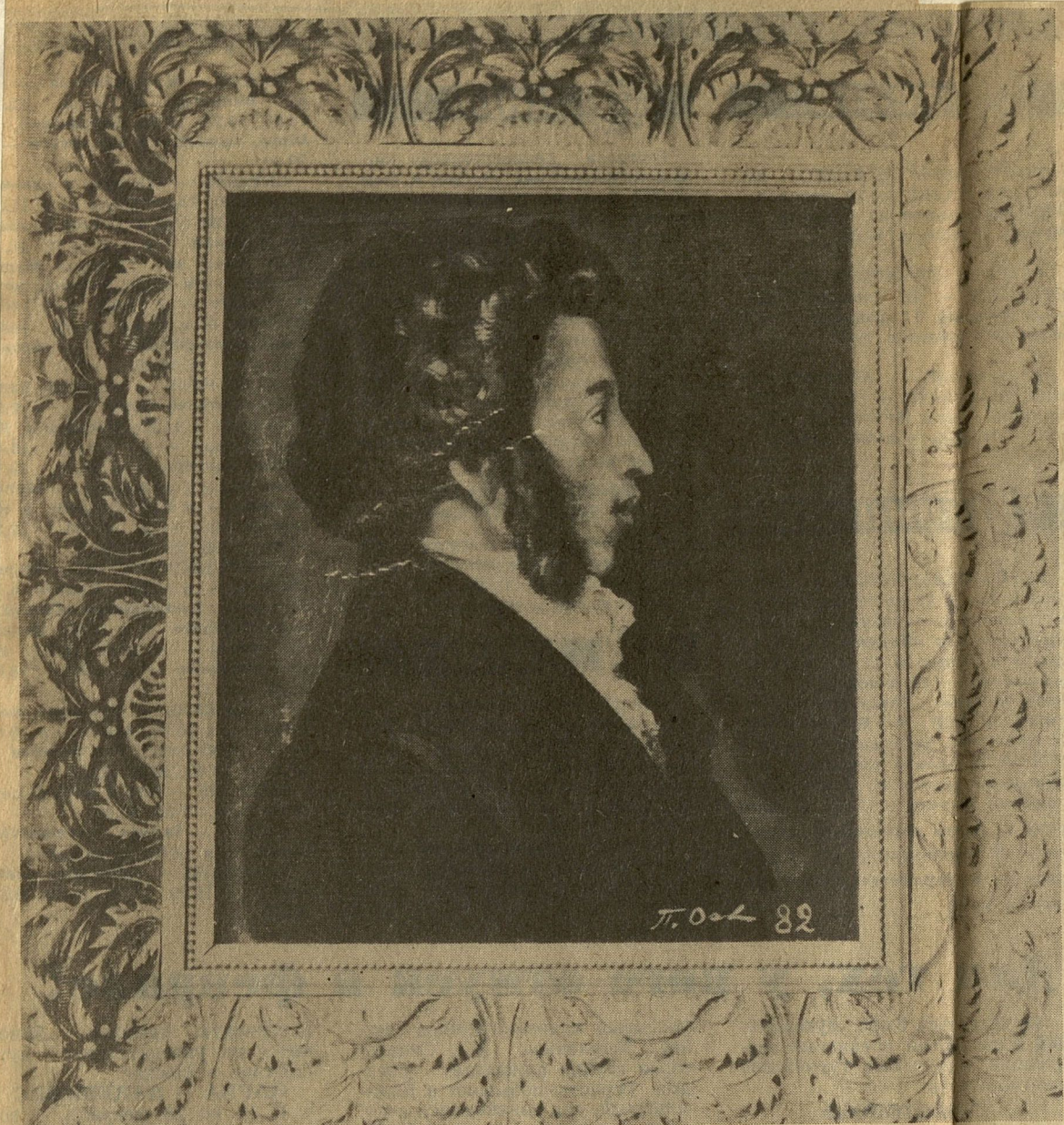

Волшебная звезда

Александр Сергеевич Пушкин
Портрет народного художника РСФСР П. П. Оссовского (фотохроника ТАСС).

Незабываемый день полувековой давности — 10 февраля 1937 года — ожил в памяти поэта Толена Шамшиева, когда на встрече с фрунзенскими любителями книги он познакомил слушателей со своим переводом стихотворения А. С. Пушкина «Памятник».

Светлана ТОКОМБАЕВА

Мой Пушкин

Когда умолкают
Поющие пелли дверей,
И слепнут трамваи,
Сбиваясь с привычных путей,
И ставни снаружи
Заслоном берутся в полон,
Задумчивый Пушкин
Приходит в мой сумрачный дом.

Чтоб снилось такое во сне!!
Мой Пушкин читает,
Колыхается тень на стене.
За каждую строчку,
Что я написала в тетрадь,
Сейчас, этой ночью,
Приходит ко мне ответить.
Нет бога добрее
И строже, наверное нет,
Мне в жизни труднее
Давать не случалось ответ —
А вдруг я когда-то
На миг покривила душой,
Польстившись на злато
Красивой чистоты ли?
Любовью чиста ли?
Откаже любезен ли стих?
Мой Пушкин читает,
И взгляд его светел и тих.

Олег ЮЛДАШЕВ

Завещание

Всей светлой музыкальности планеты:
Ветров и гор, долин, лесов и вод,
Грозят уничтожением ракеты
В уму непостижимый миг и год.
В них — гений человеческого чуда
Представлен беспощадно и черно,
Природы мозга злобную причуду
Нам обуздать пока еще дано.
И, если люди мира повсеместно
Поймут, что миг решительный настал,
Что гений и злодейство — несовместны, —
Быть миру! Как нам Пушкин завещал.

Теплый огонек Михайловского

РАССКАЗЫВАЮТ, что каждую осень лунными ночами к дому Пушкина в Михайловском прилетает сова, садится на конек кровли и громко плачет. Именно плачет. Не о ней ли писал еще и сам Пушкин: «То был сон воображенья, иль плач совы?»

Древние греки и римляне считали сову символом вечности. Что же, вечность Михайловского восторжествовала, хотя и не сразу.

После смерти поэта дом был продан на слом. В Михайловском поселились чужие люди. В конце прошлого века туда вновь возвратился сын поэта Григорий Александрович Уезжая, он посадил в память отца вяз посередине Зеленого круга. Было это в 1899 году, в год 100-летия со дня рождения Пушкина.

На рубеже XX века Михайловское было наконец приобретено в государственную собственность. Но лишь постановлением Советского правительства 1922 года открыло путь к созданию здесь уникального музейно-заповедного комплекса.

В Михайловском очистили пруды, занялись аллеями, цветниками, садами, лугами. В возведенный на старом фундаменте Дом-музей поэта начали стекаться первые мемориальные вещи. Многие из них были переданы потомками соседей Пушкина по Михайловскому Осиповых — Вульф, бережно хранящими пушкинские реликвии.

Темнеет. В окнах Михайловского дома зажигаются огни. И восстановленная нить прошлого, нить времени удивит нас к тому далекому дню 1817 года, когда лицейским пушкинником бежал Пушкин под сумрачную сень еловой аллеи Ганибалов.

Это была первая и, по-видимому, короткая встреча юного поэта с его «приятном спокойствия, трудов и вдохновения» — эпизод, полный «белых пятен» для биографов русского гения.

Второй приезд сюда Пушкина был вынужденным. Царь в гневе за вольнолюбивые стихи и независимый нрав отправил поэта в Михайловское под надзор полиции, в ссылку. К этому времени Пушкин уже стал кумиром России, поэтом, чье

имя было на устах не только столичной молодежи, но и всех, кто болел за судьбу отечественной культуры.

Никто, даже сам царь, не мог заставить Пушкина жить так, как он не хотел. Эта независимость бесила недругов, которые не могли вынести его свободной человеческой простоты, его острого языка, политических взглядов, его всеохватывающей и всепроникающей мысли. Пушкин приезжал в Михайловское, не уступив своим врагам ни пяди завоеванного. Он приезжал усталым от бедности и скитаний, но не утратившим мужества, обретшим зрелость, готовым к борьбе. Нет, он не ожесточился. Его душа не потеряла способности верить, надеяться, любить.

Михайловское окутало его тишиной, неоглядными далями, туманными, влажными рассветами, непроницаемыми ночами и дрожащим сиянием луны, висевшей тут прямо над подоконником. Поэт пишет здесь с неистовой страстью, пишет много и разное, пишет вещи бесценные. И одиночество, непонимание для других, от-

«...Что чувства добрые я лирой пробуждал»

150 лет назад 29 января (10 февраля по новому стилю) в 2 часа 45 минут пополудни скончался Александр Сергеевич Пушкин, смертельно раненный, расстрелянный с одиннадцати шагов на дуэли, случившейся 27 января в окрестностях Петербурга, за Черной речкой, около половины пятого пополудни.

Дуэль и смерть этого величайшего творца вечная, незаживающая рана России. На сравнительно недавней большой художественной выставке в Москве ленинградский живописец Евсей Моисеенко обнародовал новое свое полотно: старый слуга Пушкина — Никита Козлов — вносит в руках едва живого поэта в его квартиру в Петербурге. Композиционным, цветовым решением, всем строем пластической содержательности и определенно угадываемым изначальным авторским замыслом произвольное полотно Моисеенко ощущается как «Снятие с креста», символизирует природно правдивое, духовное слияние поэта и вынесшего его к вечной славе народа, хранящего о нем всегда живую память.

Поэт, гений которого «с одного взгляда открывал истину», чудодейственно, на века вперед одарил русских и всех, кому дано приникнуть и проинкнуться гармонией красоты и трагизма пушкинского творчества (неразделимы здесь «жизнь» и «творчество», слившиеся в миг его кончины уже навсегда), — Пушкин одарил всех реальным ощущением сопричастности истине.

Сопричастность Пушкину и есть сопричастность истине как идеальной категории и высшей цели нашего повседневного существования. Сопричастность Пушкину — это ощущение сопричастности Пушкина, ведомое едва ли не каждому читающему русскому человеку.

«Сопричастность Пушкина не оставляет меня ни днем, ни ночью... Когда он вошел в меня, когда я узнал и полюбил его? Но когда вошла в меня Россия? Когда я узнал и полюбил

ее небо, воздух, солнце, родных, близких? Ведь он со мной — и так особенно — с самого начала моей жизни...»

Это Иван Бунин, для которого Пушкин — «воплощение простоты, благородства, свободы, здоровья, ума, такта, меры, вкуса».

А вот — Федор Достоевский, размышляющий в «Дневнике писателя» о глубоко прозорливом и гениальном уме и чисто русском сердце Пушкина, указавшего обществу путь обновления — присоединиться к правде народной: «...Он первый дал нам художественные типы красоты русской, вышедшей прямо из духа русского, обретавшейся в народной правде, в почве нашей, и им в ней отсысанные... Земля наша может быть, в конце концов скажет новое слово миру... Русская душа, гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместе в себе идею всечеловеческого, единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и изымающего несохотное, снимающего противоречия. Это не экономическая черта и не какая другая, это лишь нравственная черта, и может ли кто отрицать и оспаривать, что ее нет в народе русском?».

Мысли Достоевского, вдохновленные Пушкиным, его выводы из Пушкина, исторически значимые в своей художественной и духовной пронзительности и пронизывающей времен перспективе, оказываются сегодня актуальными для всех, кто откликнулся «у бездны мрачной на краю» (строка Пушкина) торить тропу нового политического мышления, тропу спасения людей во взаимопонимании и всепримирении. И, думается, не случайно именно об этом напоминал Михаил Сергеевич Горбачев, беседуя с трудящимися в поездке по Краснодарскому и Ставропольскому краям в сентябре 1986 года.

«Утверждают, — сказал тогда он, — что Советский Союз угрожает покорить весь мир,

стремится к военному превосходству... Нарисовали... образ «русского медведя», «русского агрессора». Я смотрю на вас: неужели все мы производим такое впечатление, и я, и вы, все поколения наши, которые создали все, что есть в нашей стране? Мы гордимся нашей страной. Столько мы сил положили и жизни отдали! Неужели мы замыслили такие коварные планы в отношении к другим народам?»

И далее Михаил Сергеевич вспоминал Достоевского, его идущую от Пушкина мысль о важнейшей черте русского национального характера: «Он писал, что, может быть, русское сердце — а я бы сказал теперь советского народа — больше всего открыто для братства и единения».

«...Духовной жаждою томим», — духовною, а не какою-либо иной, прошел свой 37-летний земной путь Александр Сергеевич Пушкин. Этой духовной жаждой он одарил всех своих читателей, всех свой народ, которому он, и через полтора века после гибели своей, «любезен» (употребим это пушкинское слово), дорог, необходим. «И долго буду тем любезен я народу, Что чувства добрые я лирой пробуждал. Что в мой жестокий век восславил я свободу И милость к падшим призывал».

В этих вечных строках мораль, Пушкина — пророка трагической гармонии все еще загадочной для мира русской души, чистой и открытой.

Беспостое Пушкиным «грядущее волнующее море» бесконечно притягивает нас. Это Грядущее внушает нам сегодня и чувство вины перед ним, и чувство бесконечной ответственности. И мы готовы вновь повторить вслед за нашим бессмертным поэтом: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать».

В трагедии «Моцарт и Сальери», в других своих сочинениях — в стихах, в прозе — Пушкин запечатлел свое предельно обостренное ощущение гибели

Памяти поэта

В республиканской библиотеке имени В. И. Ленина открылась выставка графических листов советских художников к произведениям А. С. Пушкина. Памятной дате посвящен и юбилейный вечер, который пройдет в Кыргызском государственном музее изобразительных искусств. Здесь же состоится открытие художественной выставки из запасников музея.

Пушкинская тема в творчестве фрунзенского художника А. Остапова одна из ведущих. В 1981 году в издательстве «Кыргызстан» вышла книга произведений гения русской литературы с иллюстрациями Остапова. Сейчас художник заканчивает работу над новыми эскизами гравюр о Пушкине.

Готовятся отметить памятную дату и в республиканской детской библиотеке. Юные читатели с интересом знакомятся с иллюстрированной книжной выставкой «Души прекрасные порывы», рассказывающей о произведениях любимого детского аудитории А. С. Пушкина.

Этим вовсе не исчерпываются все проводимые в республике мероприятия в связи со 150-летием памяти гениального русского писателя. Во всех областных центрах, городах и селах Киргизии пройдут вечера, конкурсы, выставки, литературные викторины, посвященные творчеству А. С. Пушкина.

НА СНИМКАХ: гравюра работы А. Остапова; заведующая отделом детской республиканской библиотеки Л. Паролло с юными читателями у стендов книжной выставки.

Михаил РОНКИН

Бессмертные

А времени в обрез...
Задуты напрочь свечи.
И ждет уже Дантес
в лесу у Черной речки.
И дворник, щеря рот,
Бредет сквозь мрак
вразвалку.

И сани у ворот
застыли катафалком.

Ах, этот высший свет —
как жалок он и зыбок:
сверканье зполет,
натянутость улыбок,
молвы жестокий суд,
слепой и равнодушный...
Здесь требуется шут.
Но он не шут.
Он — Пушкин.

Но что любить ему
под мрачным небосводом,
где топтан в грязь и тьму
мгновенный дух народа,
где слово под замком
и песня под штыком,
где плетью и штыком
глумится мгла над светом.

Скорей бы уж...

Скорей!
Играй не время в жмурки.
Поэт вам не лаяк,
хоть он — и камер-юнкер.
Ему петь на двор,
сверканье аксельбантов.
Нет, Пушкин не помер...
Эй, где вы, секунданти!

Подаете пистолет,
откройте расстояние!
Не явится поэт
к монарху с покаяньем.

Уж лучше смерть, чем стыд
жить в страшном этом мире,
где правду ложь гноит
в заснеженной Сибири,
где выгода и лезть
рукой закона правят,
где в грош не ставят честь,
и совесть в грош не ставят.

Молчит февральский лес.
Рука устало млеет.
Что медлите, Дантес?
Стреляйте-ка смелее!

Не ждите, что поэт
изволит извиниться...

Отброшен пистолет,
и кровью снег дымит.

И солнцем облака
подсвечены багрово.
Но восходит на века
воспрянувшее слово,
возносится в эфир,
оно над всей планетой.
И замирает мир
при имени поэта.

Ю. ОСИПОВ. (АПН).
Фото В. Соборкина.

А. БАРШАЙ,
корр. КирТАГ.